

Вэй Хуань выпустила стрелу, и та угодила прямо в ногу коня У Миньчжи. Конь взвился, ударил копытом в круп лошади Тайпин, и та рванула вперёд. Вэй Хуань, показав лук сопровождавшему её конюху, бросила: «Я из свиты принцессы Чанлэ, лошадь — на минуту!» Не дожидаясь ответа, выхватила у него поводья, вскочила в седло и помчалась следом за Тайпин, позади У Миньчжи. Она не следила, как далеко ускакала и кто рядом, — лишь гнала коня, неотрывно глядя на принцессу. Пальцы, сжимавшие поводья, побелели в суставах, но на лице Вэй Хуань старалась сохранить спокойствие и раз за разом посылала Тайпин ободряющую улыбку.

Казалось, Тайпин её заметила и перестала кричать, лишь вцепилась мёртвой хваткой в гриву. Носки её туфель поднялись, и лишь малая часть стопы упиралась в стремя — всё же она не забыла, как нужно держаться в седле. Вэй Хуань немного успокоилась и сипло крикнула: «Натяни поводья!» Повторила несколько раз, прежде чем Тайпин услышала и ухватилась за узду. Ногти Вэй Хуань уже впились в ладони, кожа порвалась и выступила кровь, но она не замечала боли. Лицо застыло от ужаса, а она всё силилась выдавить улыбку, заставляя себя говорить спокойно, подсказывая принцессе. Когда та наконец остановила коня и слуги помогли ей слезть, Вэй Хуань выдохнула с облегчением. Сходя с седла, она почувствовала, что земля уходит из-под ног, будто ступает по облакам. Ей хотелось как следует утешить Тайпин, но, увидев, как с лошади спешивается и подходит У Миньчжи, её охватила ярость. Она быстрыми шагами приблизилась к принцессе и шлёпнула её по бедру: «Притворись, что в обмороке!»

Маленькая госпожа, хоть и простодушная обычно, в критический момент сообразила мгновенно: закатила глаза и «лишилась чувств» как раз вовремя. Вэй Хуань подняла взгляд на императрицу-Тяньхоу, которая в полном парадном облачении, на убранной шёлком лошади, поспешно подъезжала к ним. На лице государыни мелькнула тень сердечной боли, но тут же она сжала губы, и уже разжатые кулаки снова сомкнулись.

Материнская природа не должна быть такой, подумала Вэй Хуань. Но вспомнив короткий меч, которым Тяньхоу наградила Тайпин, она усомнилась — та всё-таки была не имеющей аналогов в истории императрицей-регентом.

Вэй Хуань взглянула на Тайпин, окружённую толпой. Та обычно и без причины сияла улыбкой, брови и губы изогнутыми дугами вызывали всеобщую симпатию. Но сейчас на её личике не осталось ни капли крови, глаза были закрыты, и с первого взгляда могло показаться, что она уже мёртва... тьфу!.. словом, она была бледна и беспомощна, точь-в-точь как тогда Цинян.

При мысли о Цинян в груди Вэй Хуань сдавило. Она сделала несколько глубоких вдохов, затем твёрдо подошла вперёд: «У этой рабыни есть дело для личного доклада Вашему Величеству».

Императрица на мгновение закрыла глаза, затем произнесла: «Обсудим по возвращении во дворец».

Вэй Хуань снова сжала кулаки и опустила голову. Когда свита сопроводила Тяньхоу и Тайпин прочь, она осталась стоять на месте, безвольно опустив руки, не двигаясь. Спустя долгое время к ней подошёл евнух от императорского экипажа: «По велению Её Величества вам надлежит следовать верхом в голове процессии, рядом с повозками. До въезда во дворец вы временно отвечаете за принцессу и её окружение». Он указал на коня позади: «Вам — на этой».

Это был тот самый конь породы «летающий дракон» из императорских конюшен, на котором ездил Тайпин.

Хотя отец и издал указ о проведении обряда Фэншань и в последнее время с радостью принимал мемориалы на эту тему, всякий раз, когда мы при нём заговаривали о Фэншани, на

его лице появлялась тень нерешительности. Я расспрашивала многих и в конце концов от Мяо Шэнькэ, полунамёками, узнала, что отец уже не раз издавал указы о Фэншани, но лишь в год моего рождения обряд действительно состоялся. Во все остальные годы либо случался неурожай, либо вспыхивали военные конфликты. В нынешнем же году имели место и пограничные стычки, и засуха. Отец опасался, что и на этот раз Фэншань не удастся провести, оттого и волновался. Поняв его настроение, я при встречах больше не затрагивала эту тему, однако, всё ещё с опаской думая о династическом браке, изо всех сил старалась выведать у родителей хоть какие-то военные новости.

К счастью, в этом году матушка предложила замену раздачи зерна трудовой повинностью: здоровых мужчин мобилизовали в армию, что и предотвратило возможные беспорядки, и снизило нагрузку на запасы зерна в Гуаньчжуне. Отец же повелел в большом количестве вывезти рис из лоянских амбаров для помощи столице. Хотя засуха в этом году была сильнее прошлогодней, число беженцев, разбойников и умерших от голода, напротив, уменьшилось.

В седьмом месяце Лю Жэньгуй одержал крупную победу, и Туфань запросил мирных переговоров. При дворе разгорелись споры. В прошлом году Туфань был силён, а мы слабы, и многие сановники ратовали за династический брак. В этом же году, после нашей победы, многие высказывались за продолжение войны. Министры яростно спорили, переходя из Чертога Ханьюань в Чертог Сюаньчжэн, а из Сюаньчжэна — в Чертог Чжэньгуань. Не раз, приходя к родителям с приветствием, я заставала там нескольких советников или даже глав ведомств, которые буквально рвали друг другу глотки. Наследного принца и Ли Жуйя тоже часто вызывали во дворец. Наследный принц, как и прежде, выступал за прекращение войны и восстановление сил народа, однако на сей раз выражался мягче, а поскольку переговоры о мире велись после нашей победы, он уже не настаивал с прежним упорством на династическом браке. Ли Жуй же, как всегда, ничего в этом не смыслил: каждый раз, когда министры начинали перепалку, он лишь обнимал нефритовую табличку, принимая глубокомысленно-суровый вид, а порой, заметив, как я крадусь за императорским тронном, прикрывался табличкой и показывал мне язык или строил рожи.

Наедине с Вэй Хуань мы прикинули: учитывая, как сильно отец и матушка жаждут провести Фэншань, а также то, что здоровье отца день ото дня ухудшается, война, скорее всего, продолжаться не будет. Так и вышло: к восьмому месяцу спор был разрешён — заключить мир, а дочь дяди, князя Сюй, мою двоюродную сестру, пожаловать титулом принцессы Иань и отправить для династического брака.

Вслед за тем вышел ещё один указ: дочь Чжао Гуя назначалась княгиней Цзи. Обе свадьбы назначили на начало следующего года. Принцессу Иань через несколько дней должны были привезти во дворец. Возможно, из чувства вины, отец повелел, чтобы её ежемесячное содержание, одежды и убранный покой были такими же, как у меня.

Я не знала, что и чувствовать.

Всё завертелось-закружилось, и в конечном счёте снова пришло к династическому браку. Хотя на сей раз отправляли не меня, и статус невесты был высок, и договор заключали после нашей победы. Но династический брак оставался династическим браком. В наше время даже члены императорской семьи и высшая знать не могли рассчитывать на хорошую медицину, удобный транспорт или изысканную пищу. Если даже в центральных, процветающих землях дела обстояли так, что уж говорить о Туфани, что лежал даже не на границе, а далеко за ней?

Ли Жуй тоже много дней ходил молчаливый. Чтобы подготовиться к трём великим событиям — Фэншаню, свадьбе князя и династическому браку, — мы уже в восьмом месяце тронулись в

обратный путь в столицу. В прежние годы в такое время Ли Жуй любил созывать друзей, устраивать петушинные бои и охотиться в пути. В этом же году, кроме как для приветствия родителей и наследного принца с супругой, он почти никуда не выезжал, разве что изредка подсакивал верхом к моей повозке спросить о моём самочувствии, да и лук в руки не брал. Когда же мы въехали в столицу и пришла пора расставаться, он вдруг вновь пришпорил коня и отыскал меня: «Сыцзы, когда четвёртый брат прибудет в столицу, отец непременно устроит пир. Давай тогда вместе станцует для родителей, чтобы почтить их долголетие».

Я была одурманена долгой дорогой в повозке, и его слова пробудили меня: «Что?»

Он выпустил поводья и какое-то время беспокойно ехал рядом с моей повозкой, прежде чем сказать: «Завтра я приду к тебе во дворец, ты только не забудь». И, не дожидаясь ответа, развернул коня и ускакал.

Я высунулась из окна повозки и смотрела ему вслед: он уезжал понурый. Этот юнец, прежде думавший лишь об игрищах, охоте и женщинах, теперь должен был жениться. И на той, кого менее всего хотел бы в жёны. Но что поделаешь? В наше время при заключении браков мнение самих жениха и невесты не учитывалось. В этом случае даже мнение матери почти не спросили. Важны были лишь благосклонность отца, знатность рода, близость кровных уз, приятная внешность, добрая слава семьи... Чувства же вообще не брались в расчёт. Даже сам Ли Жуй, сейчас так сопротивляющийся, в конце концов, скорее всего, смирится. Родит от Чжао Личжи одного или нескольких сыновей — законных наследников, которые унаследуют его, князя всей Великой Тан, высочайший титул. Будут ли мои племянники такими же озорными и шаловливыми, как Ли Жуй? Станут ли они, подобно отцу, корчить рожи своей сестре на самых важных и торжественных церемониях? Услышав, что где-то водятся привидения, будут ли бояться пойти сами, но подстрекать на это старших братьев и младших сестёр? Будет ли их детство столь же беззаботным, как у отца, или же омрачится и станет мрачным, полным страха перед властной бабушкой? Каково будет их будущее? А каково будет моё? После того как Ли Жуй женится, неужто и меня скоро выдадут? За кого? А А-Хуань? Что случится с ней?

<http://bllate.org/book/16278/1466515>